

12+

Денис Иванов-Ковалёв

Откровение

Денис Иванов-Ковалёв

Откровение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66036805

SelfPub; 2021

Аннотация

Где прячется вдохновение, когда желания творить нет, а мысли никак не могут собраться воедино? Куда уходят давно забытые образы из древних сказаний во времена технического прогресса и процветания городского образа жизни?

Пришёл момент для небольшого откровения. Ничто никуда не исчезает бесследно, ведь все мы связаны незримыми нитями. Некоторые называют их природой, другие – судьбой... Но что бы то ни было, оно не прекращает жить ни на секунду как снаружи, так и внутри нас самих.

И порой даже в самых больших городах, среди забот и нескончаемой рутины, есть места, где каждый сможет открыть для себя эту простую истину. Быть может, вам расскажут её деревья и ручьи? Или напоёт ветер? А может, тишина?..

Денис Иванов-Ковалёв

Откровение

Звонящая тишина накатывала волнами, напевая на давно утерянном и забытом языке. Сквозь её мелодичную пелену прокралось первое и кроткое чувство – еле слышимо коснулась белой глади снежинка, вынырнув из бесцветной и слепой пустоты. За ней проследовала другая, третья... Кажется, снегопад мягко крался, не оставляя следов на бледном полотнище, выстланном повсюду. Шелест падающих снежных хлопьев был отчётливо различим на фоне поющей глуши. Наряду с ней он шептал, бессвязно и леденяще, но в то же время знакомо и ласково, успокаивая.

Второе чувство заявило о себе холодом. Но холодом необычным. Он согревал, приводил всё в движение, ощущаясь колким комочком. Шевельнувшаяся следом первая мысль была настолько неосознанной, что сразу потерялась где-то за снеговой завесой. Остальные хлынули бесконечным рассредоточенным потоком, мерцая, как снежинки, из-за чего сознание долго путало мысли со снежными хлопьями, хватая то те, то другие, однако постепенно приобретая странные формы.

Собрав все мысли в небольшую кучку или, можно сказать, сугроб, сознание вздохнуло ледяным ветром, затем принялось заново догонять и хватать разлетевшиеся от своего же

вздоха мысли.

– Кто ты? – прозвеневший отчётливо голосок послышался сразу отовсюду, перепугав сознание, вихрем взметнувшееся до еловой лапы. Смахнув с неё снег, сознание затаилось на нижней ветке дерева, пропадающего верхушкой в блёклой дымке. Примостившись, задумалось.

– А кто ты? – неуверенные слова коснулись снежной глади так же тихо, как пушинки.

Проследовал переливчатый смех.

– Глупый, я – это ты. А ты – это всё. Разве не видишь? Оглянись.

Белая дымка отступила, обнажив обомшелые стволы елей, сквозь растопыренные лапы которых блеснули струйки ручья. Снежное полотно растворилось в мокрой прошлогодней листве, сплошь покрывающей склон, по которому каменными выступами спускалась к воде старинная разбитая лестница, наполовину ушедшая под землю. Над склоном повисли паровые облачка, а воздух, пропитанный сыростью почвы, огласили птичьи трели.

– Весна?

– Весна!

– Солнце?

– Солнце! – голосили птицы, порхая в вышине, где сплетались ветви сотен деревьев.

– Но... я не понимаю, – сознание метнулось птицей к ручью, приземлилось на шершавую поверхность камня, омыва-

емого со всех сторон журчащей водой. Из отражения смотрела чёрненькая головка с умными бусинками-глазами и жёлтым клювиком.

Вспорхнув, птица подняла в воздух брызги и листья, что течением прибило к камню. С одним из этих листочков, почерневших, почти истлевших, сознание приземлилось на водную гладь и поплыло по течению. Позади остались сколы камней и валунов, один из которых был расколот надвое, точно великан сбросил его с моста, своды которого высились над низиной, где протекали воды.

– Теперь понимаешь? Ты – это всё, – снова знакомый голос. Говорила сама вода, звеня и играя среди каменных островков и стволов упавших деревьев.

Ныряя вместе с водопадами, бьющими меж замшелых валунов, прочерчивая в слое ряски аккуратные ложбинки, плыло сознание, движимое лишь течением. А сверху глядели на него склонившиеся над водами древесные кисти, что, казалось, трепетали на ветру: «Ты – это всё, ты – это всё».

– Хорошо, – размышляло между тем сознание, – но... кто я?

– Тот, – прожурчали воды, – кого спросили «кто ты?». Чего ж тут непонятного?

– Ничего, если честно, непонятно... Можно я буду звать себя просто «я»? А тебя... Как мне называть тебя?

– У нас так не принято, – рассмеялись солнечные блики на водной глади, вострепнувшей от пролетевшей мимо стре-

kozy. – Мы не зовём себя по отдельности... Только люди так делают.

– Люди! – я закружилось, вновь подхваченное течением. – Конечно, люди! Я помню, что связано с ними, но... не помню как.

– Люди называют меня Кристателькой, – улыбнулись сверкающей рябью воды, донесся одинокий листик до арки очередного каменного мостика.

– Может, так тебе проще будет освоиться.

– Кристателька... – задумалось я, пытаюсь вспомнить хоть что-то похожее. А пока думало, налетевший ветер закружился в рыжеватых и золотистых хороводах, зарылся в слое осенних листьев и затих где-то под мостом.

– Ты ещё здесь, Кристателька? – обеспокоенным эхом встрепенулось я, вынырнув из-под шуршащего ковра.

– Я всегда здесь, – отозвались тонкие струйки, постукивающие по каменному каскаду, что вскоре терялся в россыпи валунов. Мох, облюбовавший стыки глыб и их покатые бока, зеленел на фоне поникшей череды деревьев, протянувшихся вдоль ручья по обе его стороны.

– Мне нужна твоя помощь, – я взмыло над петляющими очертаниями руслица Кристательки, – чтобы вспомнить... Вспомнить, кто я. Или кем я было когда-то.

– Я много чего помню и знаю. Но ничего конкретного о чём-то или ком-либо...

– Ах, точно, ты – всё... Но не по отдельности, – я пону-

ро опустилось вместе с серебристым инеем на усеянную листьями водную гладь, покрыв ту тонкой ледяной корочкой.

– Но я знаю того, кто может помнить, – приободрила меня Кристателька, засверкав на солнце, выглянувшем из-за тусклого пригорка, сокрытого за ветвистыми плетьюми. – Люди зовут его Адам. Иди вниз по моему течению и выйдешь на его бессменный пост.

– Он сторожит эти места?

– Когда-то сторожил. Лети с первыми холодами!

Я послушалось и, подхваченное ветрами, вдоволь осыпавшими скованную в лёд речушку снегом, поспешило по назначенному Кристателькой пути. Когда мостик, сторбившийся над оледеневшим каскадом, пропал из виду, мимо пронеслись остатки очередной каменной переправы, обрушенной временем и утерянные в белёсых сугробах.

Приземлилось я у подножия возвышенности, где и нёс свою вечную службу Адам. И, видимо, нёс уже давно, так как врос в землю по самые уши, являя на свет только лик свой, застывший, как и устремлённый в вечность взор.

– Адам? Кристателька сказала, что ты можешь знать и помнить многое и многих. Помоги мне вспомнить, кто я!

Ничего не поменялось в выражении каменноликого великана. Даже узор бровей над впадинами тяжёлых век. Словно крепко спал исполин в мягкой снежной перине.

Несколько раз я повторяло просьбу, сдувало снежные шапки с макушки стража, заглядывало в пустые глаза – всё

было напрасно, Адам безмолвствовал.

– Кажется, оглох наш Адам, – прорезались звенящие нотки. – Землёй уши забило, вот и не слышит теперь ничего...

– Кристателька? Это ты? Где ты?

– Я везде. Забыл? – малозаметным ручейком из-под головы Адама забил родничок и, прокладывая змееобразную канавку в снегу, заспешил к реке.

– Точно... – вздохнуло я, усевшись мхом на Адамову голову и задумавшись.

Вновь сошли снега, обнажив засверкавший на солнце грунт. Засвистели с уходом зимних невзгод птицы, прославляя весну и тепло, что несла она в каждом лучике. Из-под прошлогодних трав, мёртвыми стеблями крившими землю, потянулись зелёные росточки, скоро насытив цветом весенний пейзаж.

– Можешь посидеть на Скамье, половить умные мысли... Вдруг вспомнишь, чего желаешь? – прожурчал родник под сенью головы Адама.

– На Скамье?

– Да, на каменной Скамье. Так её люди окрестили. Она здесь, недалеко, за деревьями.

Валун, и вправду походивший на скамью, нашёлся не сразу. Примостившись на срезанную его часть, я вновь погрузился в раздумья. Мысли проскакивали одна за другой, да вот не задача – то терялись в лесном шелесте и уносились прочь листопадом, то замерзали с лунным светом в снежных

крупинках, загораясь и тут же угасая.

– Кристателька, – спустившись по весне вместе с тальми водами, я вновь оказалось в русле знакомой речушки, – не помогла мне Скамья ничего вспомнить...

– Как насчёт Поля Чудес?

– Поля? Чудес?

– Да, есть и такое. Следуй вверх по моему течению и по солнцу, как минуешь второй по счёту пруд.

– Что я найду там?

Рассмеявшись бойким дождём, просыпавшимся на зеркальную поверхность и исказив ту в многочисленных круговых узорах, молвили воды:

– Чудеса, конечно! Что же ещё?

Ничего не оставалось, кроме как довериться очередному совету Кристательки, да отправиться в путь: понестись с вестями птичьих трелей о долгожданной влаге с небес наперегонки с шепелявым ливнем, замереть вместе с лесной глушью, когда в вышине рокочущей поступью отзывался гром.

Но вот брызнули из-за взлохмаченной каймы туч первые солнечные лучи, заискрились в сырости дорог и тропинок, засверкали в каплях, собравшихся на листочках и травах. Достигнув к этому времени второго пруда, потянулось я за лучиками туда, куда катилось по облачным хребтам солнце. А когда скрылось то, оставив горизонту лишь алый отблеск, в вечернем свете передо мной предстало то самое поле.

С прохладным ветром пронеслось я над прижавшимися

к земле локонами трав. Замер одиноким сверчком на одном из валунов каменной россыпи, постепенно погружаясь в вездесущий стрекочущий оркестр, устроенный сородичами. Проводил последние электрички, огоньками окон подмигнувшие на окраине поля – там оно граничило с людским и рукотворным. А, как известно, в месте, где соприкасаются два похожих, но в то же время разных по внутреннему устройству мира, и происходят чудеса. Я устремилось туда.

– Экой ты!.. – чуть не сбив с ног низенького старичка в шапке, небрежно сплетённой из сухих и свежих стеблей, я притормозило, извинившись.

– Смотреть надо, куда летишь! – поправив головной убор, дедок, трава которому была по пояс, наклонился за выроненной корягой, что служила, скорее всего, тростью.

– Кто ты? – поинтересовалось я из любопытства, рассматривая чудные одеяния старика. Основой для них была грубая мешковина, заштопанная стебельками.

– У-у... Чтоб сбили да ещё не признали – не-ет, такого не было... Полевик я. Хозяин ентому месту. А ты, ветрило, одуже дуешь?

– Не ветер я, старче, – прожужжало я букашкой со шляпы полевика, – а кто – само понять пытаюсь, да не могу... Ни Кристателька не помогла, ни Адам, ни Скамья. Вот пришёл к Полю Чудес, понадеявшись, что найду здесь подсказки...

Хмыкнув, перешагнул старик-полевик через тропинку, проторённую людьми, зашагал бодро вдоль края своих вла-

дений. Полевые травы кивали хозяину, расступаясь, когда тот проходил мимо.

– Не бывает такого! Чтобы не знать, кем являешься, да кем угодно оборачиваться! У-у... Как всё запущено.

– Поможете мне, старче? – принялось просить я, кланяясь вместе с травами.

– Да как же мне помочь? О! Знаю! – остановившись, старичок прислонил корягу к стволу деревца, потёр пухлые ладони. Глаза его заблестели в свете звёзд, мерцающих сквозь облачную вуаль.

– Что умеешь? Прodeвать солнечные нити в кольца тумана можешь?

– Нет, наверное...

– Значит, нет... Кудрявить берёзы по весне? Прятать грибы в кустах черники? Сметать снег с хвойных лап на головы путникам? Хотя... последнее, конечно, любой может.

До самой утренней зари старик-полевик пытался определить по моим способностям, что я за птица или зверь, да задремал под деревом. И любой, кто проходил мимоходом, видел на том месте, где он спал, мшистый подстил, словно лохматую бороду, под трутовиком-носом.

Проснулся дедушка только по осени от того, что защекотал его листопад. Чихнул.

– Будьте здоровы, старче.

– А? Кто это? – вскочив, полевик разбросал ворохи жёлтых листьев. Теперь они украшали его новое одеяние в виде

старой древесной коры.

– Это я, помните? Вы помогли мне понять, кто я.

– А-а!.. Да. Ты уж прости старого – забываться я начал в последнее время. Как люди перестают вспоминать нас – полевиков, леших, дворовых – мы и начинаем терять в силе.

– Люди...

– А то! Человек всё наполняет смыслом, да забывает потом, что для чего создавал.

– Меня тоже могли забыть?

– Могли, но... дай-ка подумать, – вздохнув, дедуля закопался в листья по самые уши и сидел так до первых холодов.

– Знаю! – явив одной ясной ночью свой лик, ставший ещё более сморщенным и дряхлым, старик, сверкнув глазами, указал в небо. – Обернись звездой.

Воззрившись на многоглазый небосвод, я попыталось представить себя на его месте. Однако чем больше я отрывалось от земли, тем больше тяготила высота... И тут, ухватив за хвост прочертившую в ночи белёсый след мысль, я вспомнило вещь, которую знало всегда.

– Я не могу.

– Почему же?

– Я не знаю, как объяснить одну людскую мудрость на вашем языке... Но знаю, как связать их воедино! Слушайте:

В сумерках часто пылинки сверкают —
Ночь прорезают осколки комет

И в суматохе хвостом задевают
Кольца огромных планет.

Ясное небо над тёмной вуалью.
Вьётся и тает рассыпчатый снег.
Или то звёзды за призрачной далью
Дарят последний свой свет?

Чтобы до наших краёв дотянуться,
Лучику света придётся впотьмах
Долго нестись, прежде чем обернуться
Блеском в раскрытых глазах.

С жизнью земной не сравнить расстоянья,
Мерит что свет в мимолётных долях.
Люди способны постичь их в мечтаньях,
В самых обыденных снах.

Взгляд, устремлённый в небесные своды,
Мысль обгоня, взлетит за облака,
Где звёзды водят свои хороводы,
Тянутся что на века.

Вечность промчится быстрее мгновенья,
Лезвием острым, как кромка клинка,
Что рассекает пространство и время,

Млечная словно река.

И за чертог коренастого Лося,
Видится где нам одна чернота,
Через столетья проложит полозья
Очередная мечта.

Проговорив заветные слова, я туманом опустилось на поле, погрузив округу в гулкое безмолвие.

– Я знаю, кто ты, – улыбнулся полевик, почти полностью обратившийся в трухлявый пенёк.

– Правда? Кто же?

– Ты – вдохновение, утерянное когда-то. Видишь одинокого путника?

Через поле по направлению к железной дороге шествовала фигура, различимая на фоне туманных сгустков.

– Лети к нему и напой ветром строки, что ты поведало мне, скажи их шелестом листьев и прикосновением холода, обернись теплотой в душе и ясностью мысли в голове.

Так и сделало вдохновение, поблагодарив старика-полевика, зазимовавшего в облике сухого пня. Ведь как людям необходимо спать, так и всем существам, созданным силой их мысли, нужен отдых и покой.

Вдохновение говорит на разных языках, из-за чего его сложно услышать и уж тем более понять. Однако основным всегда был и будет оставаться один – язык природы, её красо-

ты и естества. И, когда людская мысль соприкасается с этим заветным языком, получаются особые слова, которые, складываясь в строки, рождают песни и стихотворения.

Однако сущность вдохновения в другом. Оно – проводник между миром чувств и истинной природой человека.

Быть может, сейчас стало услышанным ещё одно утерянное вдохновение, за которым отправляются поэты и художники туда, где расцветает в красках проза и оживают мазки на полотнах картин.

Но прислушайтесь: оно всегда рядом – в пении линий электропередач, в вое электричек, рассекающих поутру искромётную метель, в долгожданной тишине, где вы слышите не собственные мысли, а истинно себя.